

Д. С. Мартьянов

ВИРТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу влияния ценностей, формируемых киберкультурой, на российское общественное мнение. Автор выделяет этапы развития сети Интернет, дает определение понятию «виртуальная ценность», выделяет вид псевдоматериальных ценностей. Постполитика рассматривается как фактор формирования ценностей в сети Интернет. Производится анализ структуры виртуальных ценностей. На основе эмпирического исследования делаются выводы о влиянии виртуальных ценностей на политическое сознание. Библиогр. 12 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: политическое сознание, виртуальные ценности, постматериалистские ценности, политические ценности, анонимность, постполитика.

D. S. Martyanov

VIRTUAL VALUES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN INTERNET SOCIETY

The article discusses the influence of the values generated by cyberculture on Russian public opinion. The author highlights the stages of development of the Internet, defines the concept of "virtual value", highlights the kind of pseudomaterial values. Postpolitics considered as a factor in the formation of values in the Internet. The author analyzed the structure of the virtual values. On the basis of empirical research conclusions about the impact of the virtual values at the political consciousness are made. Refs 12. Table 1.

Keywords: political consciousness, virtual values, pseudomaterial values, political values, anonymity, postpolitics.

За годы своего существования сеть Интернет успела пройти несколько качественно отличающихся друг от друга этапов, наиболее важными из которых в контексте этого исследования являются следующие: (1) довебовский этап; (2) этап Веб 1.0; (3) этап Веб 2.0. Эти этапы различаются принципами управления сетью, экономическими моделями и системой ценностей, этикой. Для первого этапа характерны изначальное управление сетью Пентагоном с дальнейшим переходом к самоорганизации (однако при этом формирующийся Интернет оставался скорее американской, нежели глобальной сетью), экономика дара и коллективистские альтруистические производители как локомотив развития сетевых технологий, киберкультура, нетикет и этика хакеров. Второй этап предполагал начало дискуссии об управлении Интернетом, фактически означавшей на тот момент институционализацию самоуправления в сети, начавшуюся коммерциализацию сети при сохранении нетикета и киберкультуры как парадигмы для социализации «электронного фронта». Третий этап связан с институционализацией управления Интернетом, с «воскрешением» роли государств-наций и первыми ростками балканизации сети, декларированием борьбы с пиратством и провозглашением интеллектуальной собственности как контрценности и, наконец, с резким ростом числа интернет-

Мартьянов Денис Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; dsmartyanov@mail.ru

Martyanov Denis S. — PhD, Assistant Professor, St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation; dsmartyanov@mail.ru

пользователей, что должно было сказаться и на превалирующей системе ценностей. Целью данного исследования будет попытка проследить динамику трансформации ценностей в сети Интернет от так называемого Веба 1.0 к Вебу 2.0.

Важная отправная точка для нашего анализа — рассмотрение феномена виртуальных ценностей, которые являются базовыми для культуры «виртуальной реальности», отражают ценностную структуру сознания пользователей Интернета как «жителей» виртуального пространства [1]. Виртуальные ценности представляют собой не просто экстраполированные в Интернет традиционные ценности, а новые (альтернативные) ценности, порождаемые спецификой взаимодействия в виртуальной среде. Они нематериальны, основываются на сетевой этике, киберкультуре и виртуальных идеологиях [2].

Однако для Интернета характерны не только виртуальные нематериальные ценности. Интернет становится средой, в которой появляется новый вид ценностей — псевдоматериальные. Это симулякры, имитации материальных ценностей, электронные вещи или цифровые предметы, используемые только в виртуальной среде. Псевдоматериальные виртуальные ценности продаются, покупаются, дарятся и даже похищаются. Они приносят в нематериальную среду свойственную физическому миру категорию богатства и позволяют производить обмен материальных ценностей на псевдоматериальные.

Хотя иногда к материальным ценностям относят и такие, как физическая безопасность, экономическое благосостояние, биологические потребности [3, с. 12], заметно расширяя эту категорию, на наш взгляд, более целесообразно говорить в этом контексте о материалистических ценностях, в то время как примером нематериальных ценностей станут такие, как, например, достоинство, моральное совершенство, свобода и т. д.

Анализ виртуальных ценностей необходимо производить в соответствии с теориями постполитики и постматериалистических ценностей.

А. Г. Дугин отмечает, что центральной постполитической ценностью является игра, однако в целом сетевая структура противостоит провозглашению объективного значения и приданию онтологического характера ценностям. Ценность в постполитике лишается коммуникативного свойства [4]. Логику Дугина обуславливает целый ряд факторов: ризоморфная структура сети нивелирует традиционные социальные связи, что способствует атомизации социальных структур, индивидуализации, моральной автономии и, как следствие, нивелированию социальности ценности. Однако в случае с Интернетом следует также учитывать ряд дополнительных аргументов. Во-первых, Интернет сам по себе коммуникационная структура, а следовательно, как минимум, информация и общение должны выступать в качестве наиважнейших ценностей информационного общества в целом и глобального интернет-сообщества в частности. Во-вторых, Интернет с точки зрения социальности включает множество уровней, в том числе и уровень глобального интернет-сообщества, и уровень виртуальных сообществ. Игра как ценность актуализируется главным образом в последних. В-третьих, ризоморфность структуры Интернета хотя и может быть использована акторами, по-разному определяющими содержание интернет-дискурса, но в случае взаимодействия с сетью глобального интернет-сообщества предполагает набор детерминируемых ценностей, так или иначе связанных со свободой коммуникации.

«Исключительность» Интернета вполне объяснима, если подойти к нему не как к постполитическому, а как к преполитическому феномену. Д. Н. Песков отмечает, что еще в начале 2000-х годов сеть Интернет представляла собой преимущественно пространство внеинституциональных коммуникаций. Постмодерн благодаря Интернету и не разрешенным в рамках постмодерна вопросам о глобализации и идентичности трансформируется в *премодерн* [5], в котором, следовательно, должна действовать отличная от постмодернистской логика.

Как отмечает В. С. Мартьянов, для домодерных обществ характерна организация ценностного порядка в мифической и религиозной формах [6, с. 83], которая, как и основанная на традиции этика, носит некритичный и нерациональный характер. Все это вполне укладывается в парадигму первых двух этапов развития сети Интернет. Несмотря на иллюзорный техноцентризм во главе угла, Интернет как набор локальных нарративов не представляет собой проект современного Прогресса. Напротив, каждое локальное сообщество, хотя и занимается совершенствованием механизмов коммуникации и повышения эффекта гедонизма, направляет эти действия в первую очередь внутрь себя. Прогресс живет уже не как рациональный Проект, а как побочный эффект избегания погони за Прогрессом. Концепции виртуальных идеологий не способствуют решению крупных рациональных целей, поскольку в большинстве своем уходят от главной идеи современной рациональности «экономического человека» с капиталистической экономикой в пользу самостоятельно определяющего свой категорический императив «этического человека» с экономикой дара.

В этом отношении рождение «второго модерна» посредством социально-политического развития сетевых отношений должно перекликаться с «первым модерном», с характерной для него идеей универсализации (в том числе универсализацией ценностей посредством перманентной их рационализации с помощью дискуссии в публичной сфере и превращения в права). Таким образом, диалектика модерна в ценностном плане означает превращение частных ценностей во всеобщие права. С точки зрения политологии ключевым вопросом здесь становится выявление тех виртуальных ценностей, которые имеют большой потенциал эволюционировать в универсальные права, и тех, которые находятся под угрозой девальвации в силу невозможности такой эволюции. При этом, конечно, следует учитывать и то, что третий этап нашей периодизации развития Интернета показывает усиливающуюся динамику балканизации Интернета, его превращения из глобальной сети в национальные сети, суверенитет над которыми наиболее вероятно будут осуществлять правительства национальных государств, что в нашем случае означает установление определенных рамок универсализации прав.

Отметим также, что превращение Интернета из постмодернистского феномена в премодернистский означает и определенную победу материального мира (физической реальности) над постматериальным (виртуальной реальностью). Если «сетевой человек» мог себе позволить игру в маску «этического человека», «человека иррационального», то «реальный человек» оставался в рамках реальности, где при всем допущении постмодернистской философии сохранялся прежний базис с доминирующей экономической рациональностью. Как отмечает В. С. Мартьянов, «постмодернизм как “культурная логика позднего капитализма”... в своем критическом дискурсе не затрагивает институциональных основ модерна» [6, с. 89].

Резюмируя наш анализ постполитики и постмодерна как контекста существования виртуальных ценностей, выделим наиболее значимые из них: это информация, коммуникация и игра. Информация в этом ряду занимает особое место, так как в наименьшей степени сводима к гедонизму, характерному для всех этапов развития сети, и существует помимо него, заодно вбирая в себя негедонистические аспекты коммуникации.

Информация способна выступать в качестве псевдоматериалистской ценности (и даже материальной в широком смысле этого слова) и может предполагать определенную цену. Однако сам Интернет выступает в качестве главного девальватора информации. Увеличение информации означает уменьшение ее цены. Значимость информации начинает определяться как индивидуально, так и с помощью экспертов, выделяющих «ценное» *знание* из общей *массы информации*.

Хакерская этика, лежащая в основе нетикета и оказавшая значительное влияние на развитие виртуальных идеологий, выделяет такой аспект информации, как доступ к ней. Перспективы «легализации» этой ценности имеют ряд направлений.

1. Демократические правительства способствуют транспарентности власти, созидавая институт электронного правительства.

2. Правительства законодательно закрепляют право на Интернет. Хотя в 2011 г. данное право было закреплено резолюцией ООН и получило реализацию в ряде стран (наиболее последовательной среди которых является Финляндия), безусловно, это свидетельствует скорее о векторе развития этого права, а не о его фактическом признании всеми государствами.

3. Бесплатность информации является в настоящий момент наиболее спорной виртуальной ценностью как в юридическом, так и в концептуальном плане, поскольку сторонники авторского права интерпретируют эту ценность как материальную, а сторонники хакерской этики — как нематериальную. С одной стороны, налицо последовательное продвижение правительствами во всем мире идей авторского права, с другой — рост огромного количества пиратских партий [7].

4. Доступ к приватной информации. Приватная информация понимается нами в широком смысле — и как личная информация граждан, и как скрытая, тайная информация организаций и институтов (вплоть до государства) [8]. Если для первого и отчасти второго этапов развития была характерна культура маскарада, с присущим ему культом закрытости, недосказанности, что означало открытость доступа к информации, которая является публичной, либо же *желает* стать публичной, то в настоящий момент Веб 2.0 переворачивает эту схему. Социальные сети обнажают приватность обычных людей, а технологии Викиликс разоблачают «приватность» государства.

Вектор политических действий по охране приватности также противоречив. Хотя предпринимаются законодательные инициативы по охране приватной информации граждан, безусловно, сами политики заинтересованы в сохранении ситуации с такой открытостью приватного, поскольку это оставляет им широкий простор как для использования политических технологий, так и для контроля над населением. В отношении политики приватности государства картина обратная — государство, как правило, законодательно гарантирует право на свободу слова, включающее и право на расследование неформальных государственных практик, но на деле вступает в конфликт с теми, кто претендует на перевод их приватной сферы в публичную.

В центральной среди исследований постматериалистических ценностей концепции Р. Инглхарта место рациональных ценностей модерна занимают секулярно-рациональные ценности индустриализма, а место постмодерных ценностей принадлежит ценностям самовыражения [9, с. 39].

Особое место в теории постматериалистских ценностей занимает теория Ш. Шварца [10], обратившего внимание на такие актуализировавшиеся в Интернете ценности, как безопасность, гедонизм, универсализм и достижение.

Проблема *безопасности* в Интернете упирается в проблему анонимности. С одной стороны, анонимность выступает гарантом безопасности для пользователей сети до появления Веб 2.0 и коммерциализации сети. С другой стороны, в последние годы стало заметно формирование дискурса, приписавшего в категорию «анонимность» смысл угрозы, исходящей от анонимных собеседников. Таким образом, ценность анонимности, характерная для первых этапов развития сети, поставлена под сомнение [11].

Гедонизм пронизывает почти все сферы интернет-коммуникаций. Однако следует заметить, что постепенно эта сфера становится все более монетизирующейся. Из нематериальной сферы эта ценность последовательно дрейфует в сторону сферы обмена, извлечения материальной выгоды.

Универсализм в рамках первых этапов развития сети был связан с лингвистическим империализмом английского языка, глобализацией, копированием культурных паттернов Западной Европы. В рамках нового этапа, предполагающего развитие управления Интернетом, следует предполагать универсализацию уже либо на уровне национального государства, либо на цивилизационном уровне, более характерном для открытых социальных систем.

Достижение в контексте усиления политических и экономических институтов в сети Интернет меняет свой вектор: оно уже в чуть меньшей степени направлено на приобретение нематериальных ценностей (впрочем, увеличение информации позволяет последовательнее достигать более высокого уровня образования даже в контексте увеличения коммерческой составляющей в этой сфере) и в гораздо большей степени ориентирует на традиционный успех — богатство или повышение социального статуса.

В мае 2015 г. в рамках проекта «Политическая и сетевая идентичности участников виртуальных сообществ: на примере жителей г. Санкт-Петербурга», реализуемого при поддержке «Центра социологических и интернет-исследований» СПбГУ нами было проведено исследование общественного мнения пользователей сети Интернет в г. Санкт-Петербурге, в ходе которого часть вопросов должна была выявить отношение респондентов к виртуальным ценностям. Объем выборки составил 1200 человек.

В частности, было исследовано отношение пользователей сети к анонимности через категорию «доверие». Для абсолютного большинства пользователей единственным значимым критерием, позволяющим доверительно общаться с другим пользователем, является личное знакомство (69,6%). При этом фактор знания настоящего имени собеседника не является важным (он значим лишь для 7% респондентов). Анонимам и людям, подписавшимися псевдонимами, доверяют 9,3% и 4,2% соответственно.

При этом степень доверия к людям, с которыми пользователи познакомились через сеть, варьируется от 1,8% (абсолютно доверяю) и 13,7% (скорее доверяю) до 29,7% (скорее не доверяю) и абсолютно не доверяю (28,9%).

Персональное восприятие Интернета как безопасной среды тоже (хоть и в чуть меньшей степени) говорит не в пользу виртуальных ценностей. Определенно безопасно себя чувствуют 15,1%, скорее безопасно — 30,5%, скорее небезопасно — 27,6%, определенно небезопасно — 19,7%.

Данные, полученные с помощью ответов на эти вопросы, показывают, что пользователи сети Интернет ощущают атмосферу некоторого недоверия и небезопасности.

Респондентам было предложено ответить еще на ряд вопросов (таблица), связанных с представлениями о том, как должны регулироваться и в каком виде должны быть представлены в сети виртуальные ценности.

Таблица. Распределение представлений о желаемом векторе регулирования сети Интернет (%)

Утверждения, соответствующие представлениям респондентов о работе Интернета	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
1. В Интернете все должно быть бесплатно	52,9	39,1	8
2. Интернет должен давать возможность зарабатывать в нем	70,7	17,2	12,1
3. В целях большей безопасности в Интернете люди должны регистрироваться под своими именами	59	33,6	7,4
4. Необходимо повысить ответственность владельцев сайтов за их содержание	85,5	9,4	5,2
5. Интернет должен быть свободным от любого регулирования	42	50,3	7,7

Результаты опроса показывают определенные противоречия, существующие в общественном мнении. Так, либертарианские ценности значительной части аудитории (42%), выражающиеся в желании видеть Интернет свободным от любой цензуры, уживаются с признанием необходимости «повышать ответственность владельцев сайтов» (85,5%). Копилефтерские и пиратские представления о «бесплатном Интернете» (52,9%) соседствуют с желанием зарабатывать в сети (70,7%). Хотя отстаивание интересов пользователей в отношении смягчения авторского права и может принести определенные выгоды тем политическим силам, которые смогут включить этот вопрос в политическую повестку дня, само наличие подобных противоречий может свидетельствовать о том, что все-таки «бесплатность контента» не входит в приоритетный круг ценностей избирателей, поскольку в нем по-прежнему доминируют материалистские паттерны.

Использование категории «безопасность» в вопросе об анонимности мотивирует респондентов положительно отвечать на вопрос о необходимости регистрации пользователей в Интернете под своими именами (59%). Сторонниками сохранения полной или частичной анонимности являются лишь треть респондентов. Безусловно, такое состояние общественного мнения играет на руку сторонникам более жесткого регулирования сети Интернет и обусловлено оно распространением технологий Веб 2.0. Структура сети, уже претерпевшая определенную трансформацию, по-прежнему задает структуру ценностей.

Р. Брубекер отмечает, что в современном мире важную роль приобретает «власть именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто» [12, с. 91]. Социальные сети становятся прекрасным инструментом для реализации такой политики, поскольку они требуют от пользователей идентификации по целому ряду заданных критериев. Причем, как правило, перечень данных критериев остается закрытым, а нежелание идентифицировать себя по какому-либо из них не приветствуется. В этом смысле анонимность становится антиценностью, поскольку именно анонимность ранее давала право на регулирование идентификации: пользователь сам выбирал, какие свои параметры он готов открыть, какие сконструировать, а какие скрыть. Социальные сети играют роль сетевых бюрократических структур, которые сначала заимствуют у государства право «насаждать категории», а затем с готовностью делятся результатом своих трудов с государственными и коммерческими структурами. Но важным моментом здесь является как раз создание крупных бюрократических, иерархизированных автоматизированных систем, именуемых социальными сетями, поскольку именно они становятся олицетворением новой «видимой» власти в Интернете. Социальные сети, таким образом, берут на себя роль первых глобальных «идентификаторов» (выражаясь языком Брубекера) сети Интернет, поскольку ранее идентификации носили или локальный характер (и были связаны либо с коммерческим использованием сети на определенных ресурсах, как правило, не связанных с киберкультурой, либо с вопросами безопасности), или сводились к минимуму критериев, в основе которых опять-таки могли лежать не реальные факты, а результат творческой виртуальной идентификации. В последнем заключается отличие социальных сетей от виртуальных миров, которые зачастую требовали от пользователя не идентификации, хотя речь и шла о каких-то заданных параметрах, а о самопрезентации.

Таким образом, учитывая анализ общественного мнения петербургских пользователей сети Интернет, можно с определенной уверенностью заключить, что виртуальные ценности не являются по-настоящему значимым фактором политического процесса в нашей стране. Переход от второго к третьему этапу развития сети почти нивелировал потенциал актуализации виртуальных ценностей в политической борьбе в России в настоящий момент.

Атмосфера недоверия в сети может также косвенно свидетельствовать и об определенном кризисе общественного доверия в самом российском обществе, что, безусловно, будет определенным препятствием для полноценной институционализации гражданского общества.

Литература

1. *Мартьянов Д. С.* Виртуальные ценности: структура, динамика, противоречия // Труды С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. Т. 206. С. 319–327.
2. *Мартьянов Д. С.* Виртуальные идеологии и кризис идеологий в информационном обществе // Уч. зап. Забайкальск. гос. гуманитарно-педагогического ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Чита, 2013. № 4. С. 77–83.
3. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 224 с.
4. *Дугин А. Г.* Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 424 с.
5. *Песков Д. Н.* Интернет-пространство: состояние преמודерна? // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 46–55.

6. Мартъянов В. С. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 83–98.

7. Мартъянов Д. С., Мартъянова Н. А. Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте // Уч. зап. Забайкальск. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, культурология, социальная работа. 2012. № 4. С. 116–121.

8. Алексеенкова Е. С., Сергеев В. М. Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 148–165.

9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

10. Павленко О. Ценности Шварца Vs. Ценности Инглхарта URL: <http://psy.hse.ru/news/33155183.html> (дата обращения: 01.02.2015).

11. Мартъянов Д. С. Анонимность как политическая ценность киберкультуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 112 (38), ч. III. С. 116–119.

12. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

References

1. Mart'ianov D. S. Virtual'nye tsennosti: struktura, dinamika, protivorechiia [Virtual values: the structure, dynamics, contradictions]. *Trudy S.-Peterb. gos. un-ta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2015, vol. 206, pp. 319–327. (In Russian)

2. Mart'ianov D. S. Virtual'nye ideologii i krizis ideologii v informatsionnom obshchestve [Virtual Ideology and Ideological Crisis in the Information Society]. *Uch. Zap. Zabaikal'sk. gos. gumanitarno-pedagogicheskogo un-ta im. N. G. Chernyshevskogo* [Scientific notes of the Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University. Chernyshevsky]. Chita, 2013, no. 4, pp. 77–83. (In Russian)

3. *Universal'nye tsennosti v mirovoi i vneshnei politike* [Universal values in the world and foreign policy]. Ed. by P. A. Tsygankov. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2012. 224 p. (In Russian)

4. Dugin A. G. *Filosofia politiki* [Political Philosophy]. Moscow, Arktogeia Publ., 2004. 424 p. (In Russian)

5. Peskov D. N. Internet-prostranstvo: sostoianie premoderna? [Internet Space: Premodern State?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2003, no. 5, pp. 46–55. (In Russian)

6. Mart'ianov V. S. Global'nyi Modern, postmaterial'nye tsennosti i periferiinyi kapitalizm v Rossii [Global Modern, Post-materialist Values and Peripheral Capitalism in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2014, no. 1. pp. 83–98. (In Russian)

7. Mart'ianov D. S., Mart'ianova N. A. Fenomen piratskikh partii v rossiiskom i mirovom kontekste [phenomenon of pirate parties in the context of Russian and world]. *Uch. Zap. Zabaikal'sk. gos. un-ta. Ser. Filosofii, sotsiologiia, kul'turologiia, sotsial'naia rabota* [Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: philosophy, sociology, cultural studies, social work], 2012, no. 4. pp. 116–121. (In Russian)

8. Alekseenkova E. S., Sergeev V. M. Temnyi kolodets vlasti (o granitse mezhdu privatnoi sferoi gosudarstva i privatnoi sferoi lichnosti) [Dark Well of Power (on the Border between the Private Sphere of the State and the Private Sphere of the Individual)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2008, no. 3, pp. 148–165. (In Russian)

9. Inglehart R., Vel'tsel' K. Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p. (In Russian)

10. Pavlenko O. Tsennosti Shvartsa Vs. Tsennosti Inglekharta [Schwartz's Values Vs. Values of Inglehart]. Available at: <http://psy.hse.ru/news/33155183.html> (accessed 01.02.2015). (In Russian)

11. Mart'ianov D. S. Anonimnost' kak politicheskaia tsennost' kiberkul'tury [Anonymity as a Political Value of Cyberculture]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 12 (38), part. III, pp. 116–119. (In Russian)

12. Brubeiker R. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow, Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 408 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 июня 2015 г.